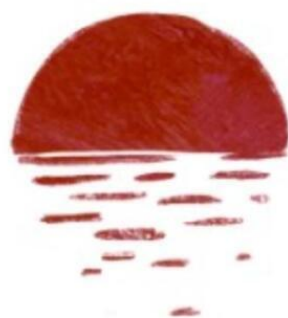

ИГОРЬ АХМЕДОВ

УГОЛЬКИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

В КАМИНЕ

Игорь Ахмедов
Угольки в камине

«Автор»

2023

Ахмедов И.

Угольки в камине / И. Ахмедов — «Автор», 2023

Имея привычку записывать то, что порой внезапно приходит в голову, я иногда выкладывал свои записки в соцсетях для своих друзей. Друзей у меня не очень много, человек я довольно замкнутый, поэтому всех читателей, которых я знаю лично, можно было пересчитать по пальцам рук и одной ноги. Честно говоря, если бы не их ответная реакция, заниматься этой глупостью я бы вскоре перестал. Я имею в виду выкладывать, а не писать. Писал бы я и дальше, но уже втихаря, потому что вообще не писать я уже не могу, привык, понимаешь. Но друзья требовали ещё и еще и никак не хотели поверить, что у меня в запасе нет чего-нибудь свеженького. Потом несколько человек, не сговариваясь и почти одновременно, предложили мне оформить все в книжку, которую можно купить в киоске на станции и, прочитав в электричке, спокойно выкинуть или использовать по назначению в дачной жизни. Вспомнив, как я однажды оказался без бумаги в дачном сортире одного великого композитора, я понял, что они меня убедили.

© Ахмедов И., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Ритуал	5
Жертва	8
Лицо	11
Чубчик	12
Суд	13
Крымские мотивы	15
Синдром курортника	17
Отчет селянина о путешествии в Москву	18
2022	20
Про Толика	21
Полнолуние	25
Солдатик	26
Страсти	28
Как я не стал педагогом	29
Про секс и про кино	31
Великие грабли	33
Колыма. Заметки со съемок	34
Если у вас нету дяди	36
Как это происходит в современном телематографе	36
Классификация друзей на Новый Год	38
(когда сидишь без денег)	38
Опыт	39
Хучит	41
Разговор с Данелией	42
Из жизни селянина	44
Про детство и генералиссимуса Суворова	45
Сериял	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Игорь Ахмедов

Угольки в камине

Ритуал

Петр Сергеевич страдал. Было еще рано, всего двенадцать утра. По радио, за стеной, какой-то мужчина пел чернокожим голосом, но чего он хотел и о чем просил, было непонятно. Петр Сергеевич не знал иностранных языков. Он был великий русский писатель, о котором совсем скоро заговорят по всему миру. По крайней мере, он так искренне думал. Он и Аллочка, секретарша Дубоплатова из Союза писателей. «Вот пусть лучше они сами русский учат», строго говорил Петр Сергеевич, и Аллочка смеялась и утыкалась лицом в ладошки, чтобы не шуметь.

Он сидел за столом в черно-белой кухне, перед ним стоял завтрак и недопитая вчера бутылка с дорогой водкой. Но похмелиться было нельзя, у него была назначена встреча с Редактором. В голове его крутились какие-то пирамиды, восстание боксеров в Китае, фиолетовый запах нижнего белья Аллочки и гнусный, саркастично улыбающийся образ модного писателя Чаплыгина, которому он вчера должен был вернуть десять тысяч. Петр Сергеевич жевал сосиску и думал:

– Вот если отдать редактору пачку чистой бумаги, пусть себе правит. Какой, однако, у него будет простор для ремесла.

В аквариуме билась Рыба. Отплывала на другой конец, разгонялась и шла на таран собственному отражению. Лоб в лоб. Маленький синий петушок, каких еще почему-то называют слониками. Он хотел умереть и получить следующую инкарнацию, чтобы получить тело побольше и убить тут всех, включая Кота. Рыба постоянно кричала, но ее слышали только те, кто мог воспринимать мир вместе с ультразвуками, а значит, те, кто ничего тут не решали. Решали почему-то глухие и бесчувственные, как то Тело за столом. Рыба знала, что тот ритуал, который она совершала каждое утро, уже начал приносить свои плоды и ее Проклятие начало действовать. Это чувствовалось и по затхлой, хоть и недавно налитой воде, по улитке, которая оставила на стекле слово «Памагити» и по небесной музыке звучащей откуда-то слева и сверху.

На подоконнике сидел кот. Ему давно уже смертельно надоел Петр Сергеевич, его семья и особенно Рыба, ритуальные крики которой он постоянно слушал по ночам. Он бы с радостью ушел в гости к живущей в подъезде Муське, но не мог пошевелиться, потому как совсем недавно съел из полукоткрытой кастрюльки шесть сосисок, оставленных женой Лариской для Петра Сергеевича на завтрак. Кот знал, что преступление его останется не раскрытым, так как хозяин всю ночь пил и, выпучив глаза, кряхтел и тужился над чистым листом бумаги. Кот его презирал и оставил ему одну сосиску, чтоб тот молчал. Презирал искренне, от всей души, как презирал и его жену Лариску, и его ублюдочных детей – сопливую Катю и засранца Мишку, обожающих тайно мучить его в ванной.

Впрочем, Кот презирал не только человечество в виде данной ему Большим Котом семьи, но и себя тоже. За все это время он уже семь раз мог выпрыгнуть из окна на дорогу и броситься под колеса проезжающих машин, но боялся, что все-таки второй этаж, на дороге грязно и снег, а у него лапки. Он утешал себя тем, что Большой Кот всего этого не видит, так как он только лишь миф и его на самом деле нет. Но Рыба реально бесила. Кот чувствовал, что добром все это не кончится. Особенно теперь, когда он увидел, как Паук вылез из вытяжки под потолком и устремился к своей цели...

А по стене карабкался Муравей. У него только что погиб старший брат, его раздавили тележкой в супермаркете, который находился за соседней стеной в этом же здании. Об этом ему

пришло срочное сообщение в виде набора цветовых запахов в специальном почтовом кластере из пяти молекул.

Муравью нужно было срочно доложить об этом в Центр, ибо от этого зависела судьба экспедиции и, в конце концов, всей Империи. Муравей был старым солдатом и знал, что просто так тележки муравья не переезжают. Нужно было успеть добраться в штаб до заката, доложить Первому муравью, дождаться вердикта Королевы и нанести ответный удар. Сегодня была вторая четверть луны. Древние предсказания начинали сбываться, а это значило, что времени совсем не осталось. Если он не успеет, Дом будет снесен.

Петр Сергеевич перестал жевать резиновую после микроволновки сосиску, глаза его остекленели, а пальцы нащупали карандаш. Неровным почерком он вывел на скатерти: «Война и общество», потом зачеркнул слово «Общество» и написал «Люди». Потом посмотрел на стучащую лбом Рыбу в аквариуме, на бессмысленного Кота и на ползущего куда-то по стене Муравья, зачеркнул «Люди» и написал «Мир». После чего уверенно налил себе полный стакан водки и со словами: «Да пошел он» – опрокинул стакан в себя.

Паук был красив, опытен и безупречен. Он был Мастером и не делал лишних движений. Мгновенно рассчитав силу гравитации, расстояние, собственный вес и скорость передвижения жертвы, Паук прыгнул и всеми своими лапами вцепился в Муравья. Аквариум пошатнулся и треснул, сквозь трещину на пол потекла вода. Кот внезапно увидел, что через оконное стекло на него внимательно и укоризненно смотрит гигантский глаз Большого Кота. Все его существо передернулось, словно от электрического разряда, от осознания Высшей Сути шёрстка на холке и на хвосте встала дыбом. Он закричал нечеловеческим голосом, потому как человеческим кричать не мог, и выпрыгнул в открытую форточку, прямо под колеса Автобуса с рекламой кошачьего корма на боку.

Изображение вокруг Петра Сергеевича приобрело цвет. Чуть позже проявились звуки и запахи. Жизнь налаживалась.

Раздался звонок телефона, в трубку бесполом голосом сообщили: – Это какая квартира, сорок пятая? Петр Сергеевич? Из ЖЭКа вас беспокоят. Эта... Наш дом попал под реновацию. Петицию будете подписывать, или согласны в Митино переехать?

Жертва

Она часто представляла себе, как после работы в Библиотеке темным вечером идет по улице, вся такая уставшая, одинокая, и вдруг кто-то хватает ее сзади, зажимает ей рот вонючей, сильной и бесчувственной рукой и насилует ее грубым, примитивным способом. За такие мысли она ненавидела всех встреченных ею мужчин и подозревала каждого. Ей даже самой интересно было представлять и угадывать, какими именно извращениями занимается тот или иной мужчина.

– Ну, конечно, – думала она, глядя на лысого очкастого Посетителя в читальном зале. – Это с виду он такой приличный, а ручищи вон какие! Схватит такими ручищами, и пикнуть не успеешь. Мерзавец!

Однажды фантазия ее так разыгралась, что она даже заплакала. Светлыми очистительными слезами.

– Жертва, – думала она. – Я жертва. Слабая и беззащитная женщина! Пусть я умру, но они еще узнают! – кто такие эти «они» и чего они «узнают», она представляла себе не совсем ясно, но звучало это, как настоящая угроза, да и сам настрой фразы ей нравился.

По вечерам, скромно поужинав и совершив ряд косметических процедур, она ложилась в свою одинокую кровать и открывала Книгу. Эту Книгу она никак не могла прочитать уже третий год. Мешали мысли, усталость и сон. А однажды, кто-то позвонил и долго дышал в трубку. Гадким таким, мужским дыханием. В тот день она утвердилась в своих подозрениях и поняла, что за ней следят.

Снова и снова представляя себе сам момент насилия, она всем своим существом, каждой клеточкой своего нежного, сорокапятiletнего девичьего тела ощущала, как грубые руки держат ее за волосы и чужая упругая животная плоть раздирает ее изнутри на тысячи частиц.

В такие моменты она ненавидела себя, за слабость и за отсутствие сил к сопротивлению. Где-то глубоко внутри она понимала, что все это только ее фантазии, мужчины на работе и во дворе были вежливы и интеллигентны, но с каждым днем она верила им все меньше. Внимательно наблюдая за ними, она ловила их похотливые взгляды, видела, как они оглядываются и как расстроены из-за того, что рядом есть свидетели.

Она понимала, почему мужчины не нападают на нее, они трусливы и не хотят отвечать за это в суде и сидеть в тюрьмах. Но стоит ей только расслабиться, а им найти удобное тихое место, как, наверняка, любой из них не упустит своего момента.

– Вон, как смотрит, глазницами своими, – думала она провожая пожилого сантехника взглядом. – И этот, даром что из налоговой, а схватит, так схватит, кобель!

Утром она обнаруживала, что подушка ее вся мокра от слез, и ненависть к мужскому полу только укрепилась. Она убирала Книгу в тумбочку и, позавтракав диетическими хлопьями, решительно шла на работу. Все дни ее были однообразными и по-своему тревожными. Ощущение близкой беды не отпускало ее ни на миг.

Но однажды ей повезло. В своем почтовом ящике она обнаружила повестку в городской суд. Ее, как самую сознательную гражданку города, приглашали быть присяжной на судебных разбирательствах.

В глазах ее засветилась надежда, а в сердце затрепетал огонек мщения. Она даже не пошла в тот день на работу. Со словами, «ну, теперь вы держитесь», она тщательно подготовилась, взяла паспорт и пошла к зданию Городского Суда.

Ее жизнь, наконец, обрела смысл.

Лицо

Серафима Карловна была строга и лишена сантиментов. Но об этом никто не знал. С самого детства она обладала одним уникальным свойством, которое очень помогало ей по жизни. Лицом.

Лицо ее было добродушно и доброжелательно. Такому лицу хотелось рассказывать и рассказывать. Хотелось доверить свои самые сокровенные мысли. Однажды одна аферистка, получившая срок за мошенничество, сказала, что «с вашим лицом на вокзале нужно работать, чемоданы сторожить. С таким лицом вам всякий поверит».

Но лицо было только лицом, а вот природная мимика, идущая вразрез с привычными для обычных людей выражениями, была у нее начисто перепутана. В этом и была ее особенность. Когда Серафима Карловна злилась, или сердилась на кого-то, а надо сказать, что сердилась она постоянно, лицо ее принимало самое благодушное выражение. А уж когда она была в ярости или кого-то ненавидела, лицо начинало светиться любовью и счастьем.

Словно Ангел господень, когда раздавал по капельке новорожденным котят природное чувство эмпатии, чтоб они выжили в этом жестоком мире, ошибся и случайно вылил полведра волшебной амброзии на новорожденную Серафиму. Поэтому выражение ее лица шло вразрез с ее истинными чувствами, и окружающие с удивлением говорили промеж собой: – Как же она любит этих негодяев и отщепенцев. Наверное, святая!

Об этой ее физической особенности знал только один человек на Земле, ее ребенок, Стёпа. Плод ее девичьей ошибки, совершенной в юном возрасте. Обладая и манипулируя этим тайным, сокровенным знанием, он сумел полностью поработить то существо, что называл своей матерью, и умело пользовался ее незащищенностью перед ним.

Если бы совершенно чужой человек неожиданно заглянул бы в комнату ее сына, он увидел бы рыхлое разжиревшее туловище, сидящее за компьютером с порносайтами, увидел бы немый, забрызганный спермой под столом пол, остатки подгнившей еды по углам и намазанные на столешницу снизу засохшие козьяки. Но его мать, Серафима Карловна, была не чужим человеком, она безумно, все сердцем жалела своего несчастного ребенка и даже если подглядывала в замочную дырочку, то не видела этого ничего. Ее сын, Степан, был единственным существом на Земле, которое она искренне и слепо, совершенно по-животному любила. При этом, во время особенно ярких приливов нежности, лицо ее кривилось от ненависти и омерзения – мы же помним, про физическую особенность ее мимики? Да и заходить в его комнату, чтобы например, прибраться, ей было строжайше запрещено. Мальчик уже подрос, ему, как всякому живому человеку, нужно было «личное пространство». Ибо для мальчика тридцать пять лет – не шутка, ну правда же? И как мать, она все понимала.

Отца у Стёпы не было не потому, что он умер или уехал к другой женщине. А потому, что Серафима Карловна сама, своими руками упекла его за решетку. Надолго. За все страдания, причинённые ей этим грубым невоспитанным животным. И в этом ей помогла ее профессия. А другие мужчины, не зная о ее особенности, как-то быстро исчезали и растворялись в серых промозглых сумерках. После первого же проявления ее симпатии. Да, я совсем забыл вам сказать, что Серафима Карловна уже 20 лет как работала городским Судьей.

Чубчик

Собираю сына на день рождения его одноклассницы. Жду, когда выйдет из ванной комнаты.

- Надень шапку.
- Не буду!
- Еще как будешь.
- Почему ты мне всю жизнь хочешь сломать?
- Как это «всю жизнь»?
- Ну, чубчик. Я его целый час причесывал.

Смотрю, и правда, произведение высокого искусства, созданное Мастером с помощью слюней и расчески. На моем лице восторг и восхищение:

- С таким на улицу нельзя, тебя сразу украдут.
- Вижу, сын доволен, что оценили. Берет шапку, «тяжело» вздыхает:
- Ну, ладно, у них же есть там ванна?

Суд

...А потом случился суд, и Жанна Петровна, в одной ночнушке, предстала перед суровым мужиком с бородой. От мужика пахло попкорном. Из-за того, что Жанна была без косметики, она чувствовала неловкость, словно стояла голая на плацу во время парада.

В руках у мужика было несколько листиков, выданных из блокнота, заполненных мелким школьным почерком. Мужик дочитал последний, скомкал их, потер друг об дружку и сунул в карман. Спрашивал он непонятно, но, к удивлению Жанны Петровны, ей все было ясно. О ком и о чем он спрашивает.

– Скажите, договор с автором подписан?

– Да, конечно.

– Сроки выплат там указаны?

– На что вы намекаете?

– Я не намекаю. Автор работу выполнил, вы ее две недели назад приняли, есть акт, так? Почему бы не заплатить?

– Слушайте, авторов много, а я одна. Праздники, то да се. Сейчас вон дачный сезон начался, у меня рассада. Потом май, сами понимаете, никто не работает, а потом руководство на острова улетает. Пусть не переживает, все ему выплатят.

– Он и не переживает. Вернее, уже. Не пережил.

– Ну, я-то тут при чем? Это к его докторам вопросы.

– А сразу это сделать было нельзя?

– Вы не понимаете. У нас серьезная организация, все делается основательно, без суеты. К чему эта блошиная мельтешня?

Из глухой беспросветной калитки вышел еще один мужик, помоложе и без бороды. Прислонясь к забору, сунул в рот травинку, стал слушать.

– А вы можете предположить, что у автора семья, ее кормить надо?

– Я что, мешаю? Пусть кормит. Видела я его на фестивале, морда хитрая, глаза наглые, небось три квартиры сдает.

– Не было у него квартир. Но, ладно, скажите честно, за что вы его так не любите?

– А чего он? Три раза мне в фейсбуке* (прим. – принадлежит Meta, признанной в РФ экстремистской, деятельность запрещена на территории РФ) лайк не поставил. Думает, я не вижу. Ага... А когда я стих написала, он мне в комментарии «ну-ну» ответил. У-у, рожа противная!

– Действительно, негодяй.

– Денег ему. Зараза!

– Ну, теперь-то че? Теперь все, уже не надоть ему.

– Сейчас так не говорят. Надо говорить «не нужно».

Мужик, который помоложе, выплюнул травинку, зевнул. Второй, который задавал вопросы, повернулся к нему:

– Да она святая. Что будем делать?

– В Рай ее. И не будем медлить, пусть к третьему тысячелетию уже к дверям подойдет.

Произнеся это, мужик отлип от забора, подошел к Жанне Петровне и сказал ей, показывая рукой куда-то за ее спину.

– Тут недалеко, как раз успеете.

Оба мужика зашли в калитку, оставив Жанну Петровну снаружи.

Она услышала, как в замке провернули ключом. Кто-то посмотрел в глазок и сказал:

– Стоит еще.

– Пусть стоит, – ответил другой голос, – стоять не возбраняется.

Жанна Петровна услышала, как их шаги, скрипя по песку, удаляются, удаляются, и вот, стало совершенно тихо.

Ей вдруг стало зябко и одиноко. Она обернулась. На противоположной стороне реки был виден длинный дощатый барак, с надписью «Рай» по всей стене. Гавкала привязанная собачка, но ее лай, из-за ветра, долетал гораздо позже изображения. Через речку был перекинут подвесной мостик с прогнившим настилом. На одном из канатов сидела огромная ворона, канаты под ней прогнулись и скрипели, все сооружение слегка покачивалось. Надо было идти.

Крымские мотивы

Когда холодно и не знаешь, будет ли завтра, вспоминаешь тепло. А так как память не имеет редактора, то и воспоминания скачут безо всяких жанров и драматургии.

Однажды, очень давно, три жизни тому назад, я был в Крыму, отдыхал в своем любимом месте, небольшой бухточке под названием Новый Свет.

Через неделю, как водится, с моего московского лица сошла городская трупная синева, я основательно обгорел, руки перестали трястись, суставы болеть, а глаз дергаться. То есть плоть моя уже не разлагалась, и я уже не был похож на благородного столичного зомби. Я даже немного одурел от прилива здоровья, свободного графика, солнца и вкуса морской соли на губах. В моем мозге выключились те отделы, что отвечали за ежедневное «как жить дальше», он перестал булькать, загустел и стал обычным студнем курортника. И тогда я стал, наконец, обращать внимание на окружающих.

Наблюдать бесплатно за людьми в неестественных условиях летнего расслабона – мое любимое занятие. Люди на курортах совершенно другие, чем в обычной жизни. Они мне даже нравятся.

Набережная там небольшая, примерно полтора километра. По ней хорошо гулять туда-сюда босиком, в одних плавках, по привычке делая вид, что тебе «куда-то срочно надо». А когда вся гуляющая толпа делает вид, что им «куда-то надо», это забавно. Туалеты теперь платные, и одичавшие на природе курортники справляют нужду прямо под кустами магнолий и в газонах.

Проходя мимо летнего кафе, я ощутил холодную волну ненависти и презрения. Осмотревшись, я увидел классическую картину.

На фоне хамоватых чаек и обвисших от безветрия тюлевых кружевных занавесок, за столиком сидела девушка лет сорока, являя собой миру картину «Барышня-Хемингуэй», или «Девушка с ноутбуком и чашечкой капучино». Она изредка печатала что-то одним прозрачным пальчиком, а в перерывах презирала и ненавидела проходящих мимо мужчин.

Не знаю, что являлось генератором изливаемой ненависти. Голодное детство, трехгодичное рабство в гареме кастрированного султана или встреча с альфонсом-геем, обокравшим ее семью, – но потоки были ощутимы и действенны. Мужчины подсознательно обходили ее столик стороной, на что указывала с утра протоптанная на газоне с филюкциями тропинка.

Я тоже обошел ее стороной и, зайдя в кафешку с другой стороны, сделал вид, что хочу что-то заказать. Присев за соседний столик, я извернулся и, потребовав у официантки стакан лимонада, заглянул через плечо барышни в ее ноутбук. Что я ожидал там увидеть? Не знаю, но мне срочно надо было понять, кто она. Чтобы знать.

Раскрою секрет – в моем мире я бог и мне все должно быть ясно про персонажей, населяющих мой мир. Потому что если я потеряю контроль, они выйдут из схемы, и мне снова придется включать Везувий или устраивать Потоп, а это хлопотно.

Я ожидал увидеть сайты с вязаными кофточками, схемы с ценами на недвижимость, ровные столбики печальных стихов, в общем, все что угодно, только не то, что я увидел.

На экране монитора был текст, забитый в так называемую «американку». (Форму записи для сценариев фильмов и сериалов.)

Вы понимаете, уйти я уже не мог и щелкнул пальцами. Довольная, как хунвейбин, съевший воробья, официантка принесла лимонад, а Барышня сунула сигаретку в рот, беспомощно похлопала себя по кармашкам и посмотрела в мою сторону, сквозь меня. Я встал, подошел к ее столику и, достав из воздуха бенгальский факел, протянул ей. Опалив нарисованные бровки, она прикурила. Я заговорил, тем самым разрешая ей излить душу. Она и излила.

Оказалось, она редактор с украинского телеканала. – Вы же понимаете, – рассказала она, – сценаристы все дерьмовые, и даже тут, на отдыхе, она вынуждена не покладая рук исправлять и править сценарии. – А они об этом знают? – спросил я. – Может, просто указать на ошибки, сами исправят? – Ну, что вы! Исправят они. Там только деньги в голове и амбиции. Мы уже пробовали так работать, теперь все делаем сами. Никто пока не возмутился. – Вон оно как, – сказал я и добавил на всякий случай: – Хорошо, что я токарь, не знаю всего этого.

Далее в разговоре я выяснил, что сама она в детстве закончила педагогический, а потом трехнедельные курсы редакторов и вот уже седьмой год работает на Канале.

Барышня осталась довольна нашей беседой. Она четко дала мне понять, что она из мира элиты и поговорить со мной для нее было – как почесать за ухом бродячего пса. Она была прекрасна.

Уходя и оплатив счет за лимонад, я также понял, чем была довольна официантка. Оказалось, мой щелчок пальцами стоил 50 рублей. – Традиция, – притворяясь печальной, сказала официантка, и я не стал ее нарушать.

А я потом шел по набережной и краснел, что ничего не знаю про мир токарей и был близок к провалу. Всего один вопрос с ее стороны про мою работу, и я, нелепо проямлив, что «точу напильником железку» сел бы в лужу. На этот раз обошлось, барышня-редактор была сильно увлечена собой, но теперь я знаю, спускаясь на Землю, надо все-таки быть умнее и четко выбирать себе легенды.

Синдром курортника

Слышали о таком? Это когда после пары недель беспробудного экспресс-отдыха, вдруг, встречаешь в неожиданном месте «знакомое лицо». Ты не помнишь, кто это, но лицо такое до боли родное, что оставив сомнения, ты бежишь навстречу этому человеку и обнимаешь его и, пытаясь вспомнить (да кто же это такой, черт возьми?!!!), приобняв, спрашиваешь: – Ну, как ты? Какими судьбами тут? – по его слезам и объятьям ты понимаешь, что он тоже тебя узнал, и начинается нелепый, повергающий своей изощренностью любого дипломата, диалог, когда каждый пытается выяснить, кто перед ним, и при этом не показать, что сам тебя не помнит.

И только вернувшись домой и рассматривая сделанные на отдыхе фотографии, ты вспоминаешь, что видел каждый день это лицо в метро или в маршрутке, по дороге на работу. Таким же образом этот человек может оказаться полицейским, оштрафовавшим тебя с помощью волшебного жезла в темном переулке, кассиром, обхамившим тебя в супермаркете, или собачником из ближайшего парка, на которого ты как-то кричал из-за собачьих какашек: «ДовелиСтрану». Обычно, встретившись потом с этим человеком в городе, в его естественной среде обитания, мы уже не здороваемся.

До следующего курорта.

Отчет селянина о путешествии в Москву

Как я и обещал, мы с сыном съездили на прогулку в столицу. До центра мы так и не доехали. В городе было объявлено чрезвычайное положение, центр перекрыли тяжелой транспортной техникой, а в полутемных переулках стояли автобусы, набитые полицейскими и гуляющими рядом тихими мужчинами строгого неподкупного вида. Когда мы пытались где-нибудь приткнуться нашу машину, мужчины грозили нам пальчиком, словно расшалившимся детям, и показывали, что ехать нам надо выше, куда-то в небо.

Попетляв вокруг часика полтора, мы заехали в пустынные дворы Сухаревки и, согнав сидящего на бордюре кота, притулились на свободном пяточке за булочной имени Басова. Кот, судя по его морде, явно запомнил номера нашей машины и, отойдя немного, сел наблюдать. Мы вылезли из машины и пошли пешком в сторону ближайшего метро. Из подземки вышли уже на Пушкинской.

Что меня сразу же порадовало, так это турникеты, через которые надо было пройти, чтобы оказаться на Тверской. В турникетах стояли полицейские и делали входящим «обнимашки». Мне попался очень замерзший и худой (одни ребра) юноша-полицейский. Он обнял меня, погладил по спине, и, трясаясь, прижался ко мне всем телом, пытаясь хоть немного согреться. Настроение мое сразу улучшилось. Я понял, что растроган и тоже погладил его по спине. Юноша зарделся, всхлипнул и с неохотой отпустил меня. До этого момента мне казалось, что москвичи не любят приезжих. И даже плитка, покрывающая все вокруг, уже не казалась такой мерзкой. Я заметил, что не только мне нравится эта новая московская традиция, некоторые мужчины и женщины перелезали через ограждение и снова становились в очередь, на «обнимашки». Но обнимали не всех, только красивых, как я. Товарищ, который шел со мной, пожаловался, что перелезал дважды и проходил в разные турникеты, но его так и не обняли. Я не стал говорить ему правды и ответил, что, скорее всего, у него не такой печальный вид, как у меня и других приезжих.

На Тверской бурлили людские потоки. Течения и человеческие водовороты были непредсказуемы, и все гуляющие постоянно делали сэлфи, глупо путались в направлении и тут же, забывая, куда шли ранее, уверенно текли в противоположную сторону. Я впервые осознал, что это маниакальное пристрастие, и тоже сделал несколько снимков. Они перед вами.

А по всей Тверской, прямо на проезжей части, расположились лотки с сосисками и переносные театры. В принципе, все то, что и нужно людям для полноты жизни. В одном таком театре шла бесконечная пьеса про Анну Каренину и Паровоз, в другом, судя по актерам и актрисам, катающимся по сцене в телогрейках с номерами, что-то эротическое про Зону и Шаламова, в третьем нелепого вида человек в картонной короне скармливал гигантскую Руку из папье-маше такой же гигантской Голове. (Позже мы выяснили, что вскоре тут намечается уже пятый смертельный поединок Руслана и Головы и ее, видимо, подкармливали перед смертью.) Полутораметровый Руслан с жестяным мечом в одной руке и хотдогом в другой топтался рядом. Среди гуляющих сновали Пушкины разных мастей и размеров, стихами предлагали с ними сфотографироваться, «а то не успеете», пели, потрясывая бубнами шаманского вида, Деды Морозы и плясали печенежского вида девушки, одетые подтаявшими Снегурками.

Оказавшись возле здания Думы, мы попали в ее магическую ауру и стали гадать, какие бы еще придумать налоги, но не успели, подталкиваемые толпой, мы вышли к Большому театру.

Сыну все понравилось, особенно Долгорукий, пытающийся одной рукой разогнать безумные толпы селфинистов, и летающие в небе у Большого Театра бесплатные полураздетые тетки – как мне объяснили две веселые горожанки, это была реклама банка #Уралдуракзолотоалмаз и в небе колбасились две ипотечницы, истязаемые за долги.

Прогулявшись и насмотревшись на столичные чудеса, мы проголодались, и, вернувшись на Сухаревку, я повел своего товарища и сына в самое главное место «моей тайной Москвы», в чебуречную. Там мы примерно на полчаса провалились в СССР 80-х годов. По крайней мере, нам так показалось. Цены и бабки, вытирающие грязными тряпками столы, были те же, что и при Брежнев. А чебуреки такие же вкусные, как в детстве. Выйдя оттуда, товарищ сказал, что теперь он точно продаст всю свою недвижимость в Испании и переедет в Москву, поближе к чебуречной.

Вернувшись к машине, мы обнаружили кота. Заплатив ему за охрану специально прихваченной сосиской, мы сели в машину и вернулись домой. Вот.

Единственное, что меня теперь тревожит, это сын, который уверен, что в Москве такое каждый день. Надо бы свозить его еще разок, но в будни.

2022

Ближе к вечеру солнышко неудержимо клонится к горизонту. А потом, с шипением и бульканьем, погружается в мировой Океан и, уже там, под водой, постепенно остывая, плывет к другому краю земли, чтобы снова вынырнуть, взлететь и раскалиться на воздухе.

В этот момент, на закате, тени уплотняются и всякие сущности, не выносящие свет, проявляются и вылезают из мира Нави, чтобы веселиться и властвовать, а уставшие за день люди засыпают, оставляют свои тела и во снах отправляются в путешествия по другим мирам и реальностям.

Всё бы так и оставалось, если бы не контролеры из высшего мира Прави, внимательно наблюдающие за балансом Яви и Нави.

Но это в моей вселенной. У вас всё по-другому.

Про Толика

Анатолий, а попросту Толик, начинающий режиссер. Недавно закончил ВГИК. Среди всех других Толиков, получивших в тот год диплом, он самый перспективный. По крайней мере, так ему сказала одна барышня с киноведческого факультета, и Толик ей верил. Не может же человек, изучивший все фильмы Бергмана, врать? Да еще и в одной постели.

Мы видим Анатолия, он молод и весел. Потому что вокруг много друзей, любимой работы и каждый день в голове пульсируют планы на «завтра». Громадные планы не менее громадного Завтра.

Толик сидит в ресторане, на Тверской, Ест япона-супчик и рассеянно смотрит сквозь стекло на бомжа, который, встав на карачки, пытается отодрать от асфальта заледеневшую монетку. Дышит на нее, скребет почерневшими когтями... Но Толику не до бомжа. У него в расписании три встречи в разных концах города и свидание с любимой, которая уже второй день ждет подарка. Друзья, знакомя Толика с продюсерами, представляют его как «молодого талантливого режиссера» с двумя фильмами и тремя фестивалями за спиной.

Толик энергичен. Про таких, как он, и говорят, что сперматозоид, из которого он произошел, был не только самым активным, но и убил всех остальных. В разговоре он никогда не делает паузы и всегда начинает свою речь со слов «а давайте». Причем часто он и сам не знает, чем закончится фраза, и когда она, несмотря ни на что, обретает хоть какой-то смысл, лицо его озаряется восторгом.

Толик, если говорить о человеке как о животном, красивый самец. Он уже знает, что холеные женщины под полтинник обычно всегда продюсеры. Они пытаются раздеть его глазами и намекают на «постоянную работу» и большое будущее, если он будет с ними. Толика везде проводят в обход общей очереди. На него завистливо смотрят из очереди другие Толики, менее удачливые. Любимая девушка, получив в подарок норковую шубку, укрепляется в своих чувствах и стремительно выходит за Толика замуж.

Позже, видимо из-за этого казуса под музыку Мендельсона, что-то происходит наверху. В небе искрит и замыкает. У Толика начинаются обломы. Все чаще и чаще. При этом Толик остается тем же «молодым талантливым режиссером». Но женщины уже понимают, что свободное место занято – у него есть любимая, а значит, они получили отказ (читай, пощечину), интерес их потерян, и Анатолию предлагают пройти в общую очередь. Но предлагают еще по-доброму, с улыбкой, намекая на возможный адюльтер, ибо красив, собака, не то что тот, другой Толик. Толик и предположить не мог, что все в этом мире решают женщины. Этот секрет ему не рассказывали.

Толик избирателен, он отказывается от многих текущих, проходных работ, у него впереди «большое кино», и ему некогда размениваться на рекламки и сериалы. Это не его, это для других Толиков, попроще. Его, это всемирная слава, красная дорожка в Каннах и сундук с золотыми фигурками – его задача собрать внукам полный комплект для шахматных партий.

Толик по-прежнему весел и иногда богат. На него все еще сваливаются деньги. Его сценарии покупают, его внимательно слушают, а его советы воплощают (как ему кажется) менее удачливые друзья. Толик, не размышляя, дает в долг, помогает неудачникам, которыми считает всех, кроме себя, и тратит деньги на всякие глупые, но веселые вещи. У него много хороших, настоящих друзей.

Следующая ступень. Оказавшись впервые в трудной финансовой ситуации, Анатолий берется за клип. Потом за еще один. И вдруг осознает, что из-за этих халтурок «большое кино» от него все дальше. Мир вокруг начинает рушиться. Его призрачное Большое Кино, не выдержав измены, на грани полного и бесповоротного умирания. У жены порвалась шубка, она хочет дачу и ребенка, ее запросы растут, и он, со своей уверенностью в себе, не успевает за ними.

Толик идет туда, где ему когда-то предлагали рекламки и сериалы, но там его помнят и отворачиваются. – Вы, Анатолий, белый лебедь, а тут грязная работа, она не для вас.

Толик ходит по студиям, продюсерам. Предлагает снять свой сценарий, ему все еще кивают иногда, но он понимает, что холеные женщины-продюсеры тоже понимают – этот Толик уже сделал свой выбор. Его все еще ставят в очередь, но в самый конец, за другими, совсем старыми Толиками. Обещают подумать, что на женском языке обозначает, что думать нужно было именно ему, а не им. И снимать ему так никто и не дает. А на его спине начинают проступать следы от многочисленных пинков.

Проходит несколько лет. Ни работы, ни денег, ни оптимизма у Толика уже нет. Шубка жены истлела, ребенок вечно голоден и в соплях. Жена продает на Авито туфли, купленные ею для красной Канской дорожки, чтобы купить ему сигарет – Он такой ранимый... Толик все еще пытается делать «благополучный вид», но дается это все труднее. Его начинают спрашивать, «а чего же вы столько лет не снимали?». Толик пытается отвечать «так вы же и не давали», а ему в ответ «ну, так пошли бы пару тройку сериалов сняли, чего сидеть-то?».

Толику приходит на ум аналогия с арабским скакуном, про которого забыли и несколько лет держали запертым в стойле, а потом вспомнили и выпустили на беговую дорожку. И он не побегал, не смог. Мышцы атрофировались. Но это никого не волнует. – Так ты же скакун? Ну, беги!.. Толику нравится сравнивать себя со скакуном, потому что, даже внутри себя, осликом ему быть неприятно.

Чтобы остаться на прежнем уровне «беспечного бытия», Анатолий начинает занимать у друзей. Поначалу дают охотно. Искренне считая, что у Толика временные трудности и завтра все наладится. Еще бы, вид у него по-прежнему благополучный. Но «завтра» у него уже почти нет и отдавать с каждым разом все труднее, хотя пока, через пот, слезы и душевную кровь, удается. Друзей становится гораздо меньше, уже хватает полутора рук, чтобы их сосчитать.

И вот, наступает новый период. Денег уже нет от слова «совсем», организм Толика разваливается, и он понимает, что его не возьмут даже на стройку, плиточником. Больная спина не позволит. Сын подросток, смотрит с презрением, ему не о чем рассказывать в школе, когда спрашивают, чем занимается твой папа? Жена молча плачет по ночам и, когда он не видит, перебирает лоскутки, оставшиеся от шубы. А когда узнает, что завтра в гости приедут его друзья, она бежит в ломбард и закладывает серьги. Те самые серьги. И к приходу друзей в доме снова есть еда: – «Муж прибудет, у нас все хорошо». Гости довольны: – «Ну, вот, Анатолий, а ты жаловался. А помнишь Толика, который курсом старше учился? Вот там совсем беда». Они и представить не могут, как все на самом деле. Толик понимает, что это шоу только для него, и хочет повеситься, но тут подходит сын и обнимает его. Просто так. Потом подходит собака и пронзительно смотрит в глаза: – У меня и так никого нет, кроме тебя. Если ты свалишь, то мне не жить. – И Толик понимает, что вешаться рано.

Так у Анатолия происходит регресс. Постепенно выпадают зубы, начинает скакать давление, приходит в негодность машина и одежда. Исправить все это можно за деньги, но их нет. А воровать или отнимать по ночам у прохожих Толик не хочет и не умеет, не то воспитание. Возможно, что и неправильное. Те жалкие подачки от сердобольных друзей становятся все меньше и меньше. Толик уже не в силах их возвращать, и оставшиеся друзья это понимают. Эти деньги подобны каплям спиртного, выжатым из бутылки в похмельное утро. Рассасываются на опухшем от жажды языке, не успевая попасть в горло. И по сути ничего не меняют, только оттягивают неизбежный финал. Количество друзей стремительно сокращается. Теперь их можно пересчитать на одной руке и даже оставались лишние, не испачканные ложной дружбой, пальцы. Еще бы, Толик может их понять. Кому охота быть другом неудачнику? А вдруг он помощи попросит?

И вдруг, неожиданно, появляется шанс. Анатолию предлагают серьезный большой проект. – Толик! Твой сценарий великолепен! Надо только сделать «вот это и вот это» и немного

подождать. – Мы тебе скоро перезвоним, не отчаивайся! Теперь все будет хорошо. Голубоглазые нимфы с голыми безволосыми ляжками, красные тротуары в Каннах и бриллиантовые пальмы на Адриатическом побережье, все это в один миг пронесется перед его глазами. Он почти счастлив.

Но, получив желаемое, люди пропадают. Не отвечают на звонки и письма, исчезают из соцсетей. Толику не хочется верить в плохое, но время идет. Он находит хитрый способ и с чужого телефона выходит на связь:

– Как там у вас дела? Куда вы пропали? – а в ответ: – О, старик! Хорошо, что ты позвонил! Мы тебя потеряли. Нужна была твоя подпись, и никто не знал, как тебя найти, а надо было срочно!

– Как же так?!!

– Поэтому, извини, твой проект переделали и отдали другому Толику. Не пропадай больше, договорились? Все будет хорошо, присылай, что у тебя еще есть, мы ждем! Пока-пока!

А потом, еще через несколько лет, само Время вносит правки в драматургию жизни Анатолия. И если мы повернем голову в его сторону, увидим такую сцену: Замерзший и голодный, в полуистлевших обносках, Анатолий пытается отодрать от асфальта заледеневшую монетку. Монетка примерзла, он встает на карачки и дышит на нее, скребет почерневшими когтями... Неожиданно Толик замечает, как из окна ресторана на него рассеянно смотрит какой-то самодовольный хлыщ. И Толик мгновенно, как от удара молнией, понимает про него все-все-все. Понимает, что у этого хлыща в расписании три встречи в разных концах города и свидание с любимой, которая второй день ждет подарка. Так и не отодрав монетку, Толик, сгорбившись, уходит.

А теперь он сидит в подвале жилого многоквартирного дома, возле теплой дружелюбной трубы центрального отопления. Сидит с найденной на рынке луковицей в руках и думает. О чем же?

Давайте аккуратно, пилочкой для ногтей, вскроем его хрупкий череп и посмотрим-послушаем, чего там?

– Ждать хуже всего. Особенно когда поверил. И когда все сроки прошли. И не ждать невозможно, иначе нет смысла вообще. Ни в словах, ни в обещаниях, ни в людях. Особенно тяжело, когда не знаешь, что в реальности происходит. И происходит ли, но тебе ничего не говорят, думая, что и так все понятно. Но и это еще не все. Страшнее всего, когда сам, поверив обещаниям, перекладываешь их на тех, кто от тебя зависит и все еще верит тебе. Пока верит. То ли дело лук. Посадил луковицу в чашку с водой и ждешь, когда вырастет. Но здесь хотя бы видно, как росточек вылезает и с каждым днем увеличивается. И слышно, как луковица воду лакает. И ясно, что ты уже вроде как и не один. Да, так намного проще...

Полнолуние

Сегодня стою дома, у окна, тайно перечитываю книжку, пока сын не видит. Про лягушку-путешественницу, оказывается, совсем не помню, чем там дело кончилось.

Вдруг стук за окном. Да такой сильный, словно ожившие коллекторы ломаются. Хотя день, не видно еще полнолуния.

Слышу, железом по железу херачат. Под такую фонограмму сразу представляешь себе взвод спецназа, где один, самый толстый, тараном в железную дверь колотит, а остальные друг друга щитами «прикрывают».

Положил книжку, пошел, выглянул.

Оказывается это собака Робин пытается калитку открыть, все листы железные, как линолеум румынский разворотил – видимо, кто-то неосторожный мимо с сучкой прошел.

Я говорю:

– Что ж ты творишь? У меня даже таблеток для инфаркта нет, – а он:

– Пап, ну там такая девочка, такая... Эх... Старый ты, козел, не понимаешь!

Потом сын пришел, хмурый. Сказал, что хочет кысю Тутсу на соседнюю улицу отнести, там он котенка видел, их срочно познакомить надо. А то будет всю жизнь одинокая, как он.

А вечером я на небо глянул, и правда, полнолуние. В глаза Робину посмотрел, а там... вот, правда, лучше бы спецназ с коллекторами-зомби ломился. В них хоть стрельнуть можно, гантелей, перед смертью.

Так что книжку я так и не дочитал, не знаю, чем там про лягушку кончилось, может, съели ее где-нибудь во Франции, она же на Юга через Париж летела? А что, мои знакомые бизнесмены все так делают. А мне некогда, мне надо калитку танковыми плитами обшивать.

Солдатик

Вчера, разбирая хлам, нашел в коробке солдатика из своего детства. Отдал сыну.

...Сейчас уже и не вспомню, куда тогда подевались остальные, но тогда, в восемь лет, у меня оставалось только два железных солдатика.

Не оловянных, а именно железных. Оловянные, это как в сказке у Андерсена, и они совсем другие, с буклями и в треуголках – это я уже много позже узнал. А во времена моего детства у самых крутых пацанов были целые наборы таких, именно железных солдатиков. Наших, советских. Там был командир с пистолетом и десяток рядовых. Их как раз хватало, чтобы победить в войне.

Так вот, у меня были именно рядовые. Они стояли по стойке «смирно» и ждали приказа защитить Родину, даже ценой своей жизни. Одного из рядовых я с помощью волшебного пластилина произвел в Командиры. У него появилась кокарда, погоны и медали за храбрость. Для генеральских лампасов красного пластилина не было, и мы, посовещавшись в Ставке, ограничились званием Главного Полковника. Второй солдатик, рядовой, был его единственной и непобедимой Армией. Он тоже был не прост. Так как у меня еще оставался кусочек пластилина, я сделал его разведчиком – подводником. И назвал его Товарищем Ихтиандром. Устройства рыбьих жабер я тогда не понимал, и поэтому солдату достались глубоководный шлем, ласты и два баллона с питательной газовой смесью, рассчитанной на полугодовое погружение.

Стоя с Командиром на возвышении, мы наблюдали, как наши войска, в лице героического подводника-разведчика, преодолевают глубокие реки и моря. Реками назначались ручьи, а морями и океанами глубокие, покрытые ряской лужи с пиявками и лягушками.

До сих пор не забуду своих погружений в этот сказочный, удивительный мир. А секрет простой, нужно было сфокусировать свое внимание и постепенно внутренне уменьшаться, чтобы трава стала высоченным лесом, а ручей глубоководной рекой. Оказавшись на месте, можно было бесконечно долго, до самого обеда, бродить по этому сказочному миру, сражаться с монстрами, преодолевать всякие препятствия и находить сокровища.

Вспомнился один день того бесконечного лета. На травянистой кочке, то есть на высоком холме, где располагалась Ставка Главнокомандующего, было полно народу.

Кроме меня и Полковника, там сидели несколько приехавших в гости индейских вождей. Чиганчгук Большой Змей, Зоркий Сокол и Виннету, сын Инчучуна. Вот и тогда, Большой Змей ел коржик и тоскливо смотрел на «тот берег». Ему туда было нельзя, там местный народ знал его как Оцеоллу, вождя Сименоллов, и постоянно требовал у него советов и всяких решений. А Змей в правительстве быть не хотел. Он отдыхал, у него был отпуск. На этом берегу реки никого из Могикан уже не было, все погибли в войне с Гуронами.

Зоркий Сокол курил трубку и слегка улыбался той стороной лица, которую не видел Большой Змей. Он был вождем Апачей и в разборках с Гуронами не участвовал. А если другие приставали с расспросами, он всегда поднимал кулак и отвечал одной фразой, как научил его отец: «Хуг – я все сказал». Говорить просто так, чтобы поговорить, он не любил. Да и не о чем было, и так все было предельно ясно. Самый молодой из них, Виннету, вообще был из племени Сиу. Он был последним хранителем тайной карты, подаренной Сиу самим Маниту, на которой был указан путь в Эльдорадо. Только я один знал, что несколько дней назад, напившись в гостях у Белых Волков огненной воды, он где-то потерял карту, и единственное, что ему теперь оставалось, это хранить гордый и таинственный вид.

– Он все-таки прошел, – неожиданно сказал Полковник и, поправив съехавший погон со звездой, показал вниз, на противоположный берег.

Мы увидели, как на воде сначала появились несколько пузырей, потом голова рядового Ихтиандра. Не вылезая из воды, он обернулся, посмотрел на нас и, убедившись, что мы видим,

сделал рукой знак, типа «все в порядке». Откуда-то из-за горизонта донеслись звуки сирены. Мы все встали.

За гигантскими травами и исполинским, упирающимся в небеса, Древним Лопухом поднимались сигнальные дымы. Черный и белый.

– Пора. – Чиганчгук отряхнул замшевые штаны от крошек, Зоркий Сокол достал изо рта трубку, а Виннету оправил красивую, шитую бисером курточку с бахромой на рукавах и спросил:

– Надеюсь, заминировал?

– Ночью взорвем, – сказал я.

Полковник кивнул, и мы все пошли обедать. Нас звала мама.

Страсти

– Давай друг у друга попы щупать?

– Зачем?

Ее глаза загадочно и красиво расширяются:

– Это не обсуждается.

Мы лежим спинами кверху, на двух поставленных рядом кроватках в большой зале, где еще примерно двадцать таких же кроваток поставлены в длинные ряды через узкие проходы. Тихий час в средней группе детского сада № 8. Нам по 4 года.

Где-то в коридоре тяжело бухают шаги воспитательницы. Вновь становится тихо.

Она придвигается ближе:

– Ты же хочешь потрогать мою попу?

– Ну, не знаю...

– Давай, я первая.

Ее рука проникает под мое одеяльце, трусы... Я чувствую ее жесткую ладошку. Она быстро проводит рукой по моему заду и убирает руку.

– Теперь ты.

Мне становится как-то страшно и неудобно от происходящего.

– Я не хочу.

– Давай, я же трогала!

Моя рука проникает под ее одеяло, проходит под резинкой трусов и ощущает бархатистую кожу на ее заду.

В этот момент открывается дверь и, тяжело ступая чугунными ногами, кто-то идет по проходу между кроватей. Мы, естественно, закрываем глаза и замираем. Нас нет. Моя оочевидная от ужаса ладонь чувствует, как каменеет бывший до этого мягким зад моей собеседницы.

Ноги, скрипнув половицами, останавливаются возле наших кроваток. Чьи-то руки уверенно срывают одеяло.

Пауза. Перемотка.

...Осенний день. Двор детского сада № 8.

Я стою возле лавочки, рассматриваю лежащие на земле листья, упавшие с огромной чинары. Листья безумно красивые, они изящно покрывают всю землю узорным пестрым ковром. Рядом, вся в слезах, виновато стоит моя мать. На лавочке перед нами сидят несколько огромного роста воспитательниц в белых халатах. Их зовут «Комиссия». Они раскрывают рты, кричат что-то, показывают на меня.

Передо мной со стуком падает еще один лист, потом еще. Мне становится страшно от того, что я не слышу их крика. И я думаю о тех двух подаренных отцом золотых рыбках разевающих рты в моем аквариуме. Значит, они тоже кричат. Просто никто не слышит.

Как я не стал педагогом

У нас в городке открыли филиал ВГИКа. Объявили набор на режиссерский факультет. Ректор местного учебного заведения пригласил и меня, типа преподавать позвал.

– Пойдем, говорит, попреподаешь слегонца, а в будущем году уже свой курс наберешь.

Я вяло отказывался, а он так же вяло уговаривал. Во главе угла у него как всегда стоял финансовый вопрос: – Ты-то тут живешь, местный, а педагога из Москвы где-то еще селить надо, за проезд платить и т. д. В общем, уговорил прийти на экзамены, посмотреть, чтобы я, впечатлившись мраморными колоннами, бородатыми портретами и полногрудыми студентками, не смог уже отказаться.

Я и пришел. Сам. Даже галстук надел, но это я уже лоханулся, как позже выяснилось. Колонны и впрямь были, даже две. Портрет тоже наличествовал, но почему-то без подписи и напоминал бородатостью то ли Боткина, то ли Павлова, рисовал явно местный художник-самоучка. И явно не с натуры. – На этом месте должен был висеть Эйзенштейн! – хотелось состричь мне, но остричь было некому, в коридорах людей не наблюдалось. Даже вахта была пустынна, как брошенный перед отступлением дот.

Я прошел в указанную мне в смске аудиторию и увидел такую картину. За школьными партами сидели девять потных школьников с туманными глазами, что-то рисовали, приклеивали. Окна все заклеены, воздух накален. За учительской кафедрой восседали трое – сам ректор и двое молодых бородатых мужичков, несмотря на жару и духоту, в хипстерских свитерах и солдатских ботинках с усиленными рифлеными подошвами (ну, конечно, все-таки за город выехали). Ректор обрадовался, выбежал мне навстречу, приобнял и стал полупшепотом тараторить-оправдываться: – он не виноват, экзамен на раньше перенесли, а он не позвонил, патамушта, – тут он обернулся и подозрительно посмотрел на мужичков. Мужички тут же сделали вид, что им внезапно стало интересно, что там за окном, и синхронно отвернулись.

Мы вышли в коридор с колоннами и портретом Боткина-Пирогова, и он, подышав свежего воздуха, продолжил. Выяснилось, что внезапно из Центра (тут он показал на потолок, потолок был с трещиной) прислали двух маститых педагогов. Их имена есть у него на бумажке, но это потом. В связи с казенным транспортом, перенесли и время экзамена, на более раннее, потому как. Но экзамен как раз сейчас заканчивается, и мне обязательно нужно принять участие в обсуждении работ, ибо...

В этот момент прозвенел колокольчик, дверь открылась, и в коридор стала вытекать расплавленная девичья масса, глуша нас парфюмом, протыкая взглядами и пугая треском и шуршанием причесок и одеяний невиданных конфигураций.

Набрав воздуха, мы вернулись в аудиторию и присоединились к мужичкам в свитерах, которые, почесывая свои еще тонкорунные бороды, уже бродили между столиками и, прищурившись, рассматривали шедевры. Один из них изредка цыкал, второй, более упитанный, почмокивал. Ректор представил им меня. Заглянув в бумажку, назвал их имена. Я, наивный, желая восхититься спросил, что они уже сделали в кинематографе, и они туманно ответили, что не так давно закончили у Володи Кобрин курс режиссуры и с тех пор без прордыху преподают. Так что на то, чтобы еще «что-то там делать», времени совсем нет. Покивав, я отошел подумать и стал разглядывать лежащие на партах работы.

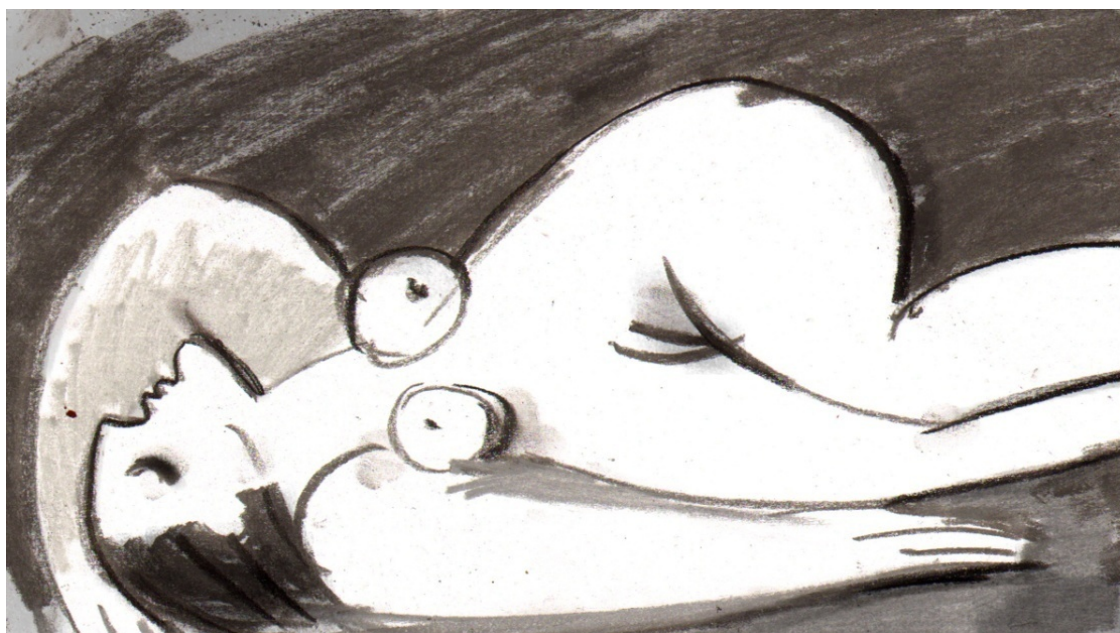
Владимира Михайловича Кобрин я знал, даже дружил с ним, но очень давно. Он умер в 1999 году. Хороший был мужик, настоящий. Мало того что талантище, еще и честный, совестливый и не трус (во всех перечисленных качествах лично убедился). Эти игрушечные мужички по возрасту годились ему в дети, если бы не их мелкая бородатая порода. Так что их небрежное «не так давно закончили у Володи» меня сильно покарябало.

Среди лежащих передо мной работ ни одной работы не было. Только разноцветное «каля-маля» и приклеенные рюшечки вокруг. Я прислушался к обсуждению «педагогов». Они как раз задумчиво искали нечто экзистенциальное в одной из работ и вроде бы уже нашли, но тут ректор испортил всю малину, извинившись, он перевернул лист ватмана другой стороной и объяснил, что тут студенты перед экзаменом расписывали ручки и оттачивали карандашники. А настоящая работа, вот она. – И он гордо показал на очередной вариант незабвенного «Сеятеля». Тоже с рюшечками. Ректору явно было стыдно перед такими бородатыми профессионалами. Но он потел и терпел. Внутри него жил дух воина. Мужички посмотрели на меня, я пожал плечами и спросил, зачем им собственно я? Они стали мяться и сбивчиво говорить о том, что вдруг один из них опоздает на электричку или не сможет прийти в связи с поездкой на фестиваль в Канны, тут-то я очень и пригожусь. Я вспомнил туманные взгляды будущих студенток и вдруг неожиданно понял, что глаза у них не с загадочной женской поволокой, а сине-туманные, с пленочкой, как у только что родившихся щенят.

Один из мужичков, тот что потоньше, покашлял и робким басом спросил, обращаясь к окошку: – Может, все-таки не всех подряд брать, может отчислить кого-нибудь? А то как-то и правда оно... – Я тебе отчислю! – неожиданно свирепо рявкнул ректор, и сам, видимо испугавшись, добавил уже тихо и тоже в окошко: – Они все того, уплатили уже, за год вперед, так что... Будете учить, раз такое.

Я повернулся и вышел. Их-то заставили, а мне что? Я свободен.

Про секс и про кино

С раннего детства, примерно с четвертого класса, осознав себя самцом, я пытался уговорить окружающих меня женщин на дикий необузданный секс.

Да, если хотите, я домогался, признаюсь сразу и во всех случаях. Чего я только не делал, чтобы достичь цели. Бил их портфелем по голове, пинал, дергал за косички, ставил подножки во время бега, обливал чернилами, стрелял в них из рогатки – но ничего не помогало.

Женщины словно сговорились, как я ни старался, ни одна не отвечала мне взаимностью.

С годами я стал более изобретателен и, поменяв тактику, стал носить за ними портфель, провожать до дома, читать стихи и писать гвоздями и мелом признания на стенах подъездов, там, где они жили, и не только на них. Однако это тоже не действовало. Женщины закатывали глаза, фыркали, словно лошади, отворачивались, надув губы, и говорили «дурак». Уже в старших классах я понял, что это тоже не срабатывает, но зато я сделал удивительное открытие. Я увидел, что девочки одинаково горько плачут и над котенком со сломанной лапкой, и над плюшевым Мишкой, утонувшим в луже расплавленного гудрона.

Сделав выводы о природе женского сознания, я приступил к крайним мерам и стал давить на жалость. Тестерон зашкаливал, адреналин полыхал молниями из глаз. Поллюция была моим естественным каждодневным состоянием. Я и не предполагал, что может быть иначе. А женщины, словно чувствуя это и издеваясь над божьим творением, обнажали плечи, ходили без лифчиков и постоянно укорачивали юбки. Поэтому я трижды топился с разной степенью успеха, восемь раз выпрыгивал из окон третьего и второго этажей, причем каждый раз ломал себе новую ногу, резал себе вены (правда не все и не сразу и не глубоко), глотал пачки таблеток, не прочитав их названия, ходил ночью на кладбище и кричал там на провалившиеся могилы (душа требовала чуда и ждала молний), а однажды даже повесился в школьном туалете, приколов себе кнопкой записку на пиджак с щемящим душу текстом: «а виновата во всем Светка из пятого “А”».

Но и эта тактика их не проняла. Женщины по-прежнему избегали меня и не соглашались заняться со мной сексуальными утехами. Помню, как я страшно завидовал рассказам своих ровесников, которые слушал за школой, когда мы докуривали там найденные на остановке

бычки. По их рассказам выходило, что урод один только я, потому как секса у них хоть отбавляй. С юных лет. По семь, или восемь раз в день. Причем с женщинами всевозможных рас и весовых категорий – с училками, прямо на уроках и после них, с пионервожатыми в лагере и за его забором, с Наоми Кэмпбелл, заезжавшей неподалеку к кому-то в гости, и даже с Наташкой из десятого «Б». Наташка, как вы наверное догадываетесь, была первой красавицей в школе и ее окрестностях, и я относился к ней, как иконе, которую даже не надеялся поиметь, ибо грех это был великий.

Время шло, а фантазия моя не унималась, а только крепла и развивалась. Я придумывал все новые и новые способы. Но и отказы в ответ становились все изощреннее, пока я, наконец, не прочитал книжку про Печорина и понял, что тоже устал и никому не нужен.

И тут мне вдруг стало все равно. Встретившись с очередной своей «любовью до гроба», я, не мудрствуя, предложил ей «перепихнуться, пока никто не видит», и она радостно согласилась. Делали мы это торопливо, впопыхах, наслаждаясь запретностью и обоюдным поражением сопротивления реальности. А реальность оказалась бледной, невзрачной и черно-белой, как телевизор «Чайка», который, хоть и называется чайка, а ни летать, ни крикать не может. В общем, все оказалось куда хуже, чем мечты об этом всём.

Позже, встретив ее через несколько лет, я спросил, почему на нее, как на женщину, не действовали все эти годы ни битье портфелем по голове, ни затрецины, ни пятикилометровые стихи, которые я писал как из пулемета, ни мой хладный труп утопленника, повешенного в учительской и застреленного взглядом из «ее фотографии». Она ответила, что не понимала, чего я хочу, и думала, что я «странный», а возможно и болен на всю голову.

То есть, вы теперь понимаете, как понял тогда и я, что все эти годы были потеряны зря и, если бы не моя тупизна и упрямство, мы могли бы утешать себя, как кролики, еще с четвертого класса. Это был удар.

С этого момента все вокруг меня поменялось. Я перестал страдать, и мир не простил мне этого. Обиженные отряды лишенных внимания девиц стали атаковать меня, поджидая в лифтах, подъездах и переулках. Мне стали приходиться записки, письма и целые тетрадки стихов, написанных нервным корявым почерком, со следами разноцветных слез на бумаге. К телефону я в тот период просто не подходил или отвечал «бабушкиным голосом», что «его нетути». Однако боевые отряды считали, что теперь я им должен, потому как сам начал первый, а так нельзя. Поманил, понимаешь, и в кусты. Причем в кусты, имеется в виду, один.

– Ты это, ты давай того! Сюда иди! – сердито шипели они под окнами, опасаясь родителей. Но, разгадав эту жизненную загадку, я потерял к ней интерес и, хлопнув дверью, ушел в красные монахи.

Теперь, по прошествии многих лет, у меня такая же фигня с Кино. Я очень хочу снимать Свое Кино и снимал бы его, как голодный ебливый кролик, но тут, видимо, так же, как и с сексом, – надо пройти все те же самые этапы.

Итак, я уже бил продюсеров портфелем со сценариями, дергал их за косы, ставил подножки в коридорах Госкино, стрелял в них из рогатки... Теперь плавно, в соответствии со своим же опытом перешел было к следующему этапу – «провождению до дома», чтению синопсисов по телефону и экскурсиям на заброшенное кладбище в комфортном багажнике моего автомобиля... Но, вдруг, совсем недавно я увидел фильм своего товарища и неожиданно понял, что тоже устал и мое кино никому не нужно.

Чувствуете? Значит, недолго осталось. Молюсь об одном – хоть бы на этот раз реальность также не оказалась черно-белой.

Великие грабли

Недавно я чуть не помер, так случилось. Но выжил и задумался. Когда мы начинаем осознавать, что смертны? И что это вообще такое – «умереть»? Вспомнил старый анекдот. Профессор физики на экзамене спрашивает студентку: – Вы знаете, что такое ток?

Девушка, вся в слезах: – Я знала, но забыла...

Профессор: – Обязательно вспомните! Этого еще никто не знал!..

Это как и с гравитацией, со Смертью, с Временем, с Богом... люди договорились между собой как-то объяснять себе эти понятия, но по сути никто ничего толком не знает.

Во сколько лет человек начинает понимать, что смертен? Это очень важный вопрос. От того, смертны мы или бессмертны, зависит цена наших поступков. Если мы вдруг понимаем, что смертны, то тут же начинаем с ужасом осознавать, как мало у нас осталось времени. Тут же все слова и действия обретают новый смысл. Происходит сдвиг в голове – многое из того, что мы делаем и чем интересуемся, становится лишним, фальшивым.

У монахов разных религий есть такие практики – каждый день думать о смерти, но это, как я теперь понимаю, мало помогает – через какое-то время даже у них новизна стирается и все возвращается на круги своя. В суету и быт. О чем это я? О кино, о нас сегодняшних. Что, из того что мы делаем, останется после нашего ухода? Что, как существующий в живом мире продукт, может продлить наше виртуальное существование? Есть ли здесь ключ к бессмертию? Стоит ли оно вообще того?

Посмотрел на свои вещи и представил себе, что вдруг, завтра например, меня не станет, а мой сын через несколько лет вырастет и как-нибудь, расчищая кладовку, найдет в пыльной коробке «папины вещи». И что же он увидит? Старые пачки раскадровок, рукописи, написанные от руки, стопки с вариантами нелепых сценариев, фотографии, невнятные юношеские дневники и рисунки, рисунки, рисунки... Скорее всего, пролистав несколько бумажек, он выкинет весь этот хлам и через полчаса забудет – и будет прав. Ну, может, оставит пару фоток, ради прикола. А вспоминая меня, будет говорить – вот дерево, которое посадил папа, а вон озеро, где мы ловили рыбу. И всё!..

У меня несколько вопросов именно к вам: А вы смертны? А если посмотреть на ваши поступки? Какими делами, словами и т.д. остались в вашей памяти ушедшие люди? Что мы можем успеть сделать, как вы считаете?

Да и надо ли?

Колыма. Заметки со съемок

В кадре все выстроено, горит свет, сидят в ожидании команды «начали» потные актеры... Режиссер смотрит на сопки, оператор ковыряется с камерой. Тишина.

Я – второй режиссер, моя задача кричать в мегафон, дублировать команды режиссера-постановщика. Я сижу с мегафоном чуть в стороне, жду, когда оператор доложит о готовности...

Неожиданно оператор оборачивается, смотрит на меня и кричит:

– Да работаю я! Работаю!..

Я, с удивлением:

– Да я же молчу?!

– Нет, ты плохо посмотрел на меня!..

Наконец оператор готов, кричит:

– Начали!

Я говорю:

– Пусть эту команду режиссер-постановщик даст! Кто у нас режиссер?

Режиссер-постановщик поворачивается от сопки:

– Я режиссер. Дайте мне кофе. – Несколько человек побежали к стоящему в отдалении автобусу.

Осветитель: – Свет уходит! Через 20 секунд будет полная жопа!!!

Я в мегафон: – Приготовились!..

Несколько человек вместе:

Маленький актер: – Подождите!.. Я какать хочу!..

Костюмер: – Секундочку! У него пуговица не та...

Гример: – Пот! Пот ушел!..

Звукооператор: – Тихо!!! Ни хрена не слышно!

Оператор поворачивается к режиссеру:

– Ха... А вот однажды в Туркмении тоже случай был ... Я диафрагму выставил, а экспозицию забыли проверить...

Ассистент по актерам (актеру): – Ты пойдешь в туалет или потерпишь?

Маленький актер: – В туалет? Я уже расхотел чего-то...

Взрослый актер: – Простите, я хотел уточнить, куда мне смотреть?

Режиссер-постановщик: – Женя! Хлопушка! Это у нас какая сцена? Я чего-то отвлекся...

Хлопушка: – Кадр 23-й, дубль 12-й. Диалог о медведе...

Оператор: – Нет, мы будем снимать или нет?! Где второй режиссер?!

Я, в мегафон: – Все готово, ждем только вас.

Осветитель: – Ушло! Солнце ушло! Жопа!

Асс. оператора, глядя в визир на Известную Актрису, вполголоса:

– А у этой, толстой, сопля под носом и дырка вон там...

Актриса молча встает и выходит из кадра, идет к сопкам: – Нет... Я долго терпела...

Режиссер-постановщик оператору. – А давай общий с той сопки долбанем? Красиво будет...

Взрослый актер, нервно: – Так куда мне смотреть, в конце концов?!

Я: – Время 21:40. Смена закончена. Всем спасибо! Завтра с утра сцену заката доснимем.

Оператор-постановщик взял под локоть режиссера, уходят к сопке.

Оператор: – А зимой, представляешь, все в снегу, диафрагму прикрываешь и долбишь, долбишь...

Режиссер: Красиво...

Художница, издавек услыхав часть их разговора: – Снег! Завтра нужен снег, две машины!.. Мне нужен консультант по снегу! И возьмите отбойный молоток, на всякий случай.

Если у вас нету дяди

Как это происходит в современном телематографе

Для тех, кто не в курсе, – на каналах есть эфирное время, которое надо заполнить. Оно дается Государством, то есть уже оплачено нашими с вами деньгами из налогов. Причем, чем его заполнить – не важно. Лишь бы что-то яркое мелькало и двигалось. Это может быть бесконечный сериал. или игра, да впрочем, что угодно. Лишь бы зрители попадали под некий гипноз. Для этого используется музыка, яркое красочное изображение, завлекательный несложный сюжет на уровне примитивной моторики. Чтоб эмоции. И вот тогда туда можно вставлять рекламу, на которой собственно и зарабатывают работники каналов. Среди работников ТВ есть такая поговорка – «Чтобы курица была довольна» – то есть зритель.

Итак, есть заказ некой Производящей Студии на заполнение эфирного количества эфирного времени. Самое простое, что приходит в голову дядям и тетям, работающим в такой компании, – сделать сериал. Его можно тянуть бесконечно, подобно жидкому мылу или соплям коклюшного ребенка. Подбирается сценарий, желательно, чтоб его написал племянник или племянница, так как у дяди, работающего на ТВ, всегда есть много лоботрясов-племянников, которые ничего сами делать по жизни не могут, но очень любят деньги и тусовки.

У какого-то зрителя может возникнуть вопрос: – Так ведь непрофессионалы напишут плохо?

На что получит честный ответ: – А нам хорошо и не надо, нам бы время заполнить...

Вопрос: – Почему? Есть же профессиональные, хорошие авторы... Вы представляете, какой они выдержали конкурс при поступлении в институт? До тысячи человек на место! А потом еще и учились пять лет у лучших мастеров...

Ответ: – Хороший сценарий писать долго и трудно, а нам надо «уже вчера». Конкуренция, сами понимаете!

Как создаются подобные сценарии, я уже описывал. Идем дальше.

Нужен режиссер. Хороший режиссер берет дорого, да и мало их. Конкурс у них тоже гигантский, а выпускают всего несколько человек в год. Да и не возьмет нормальный режиссер этот племянников сценарий. А если доведен до отчаяния голодом и нуждой, то возьмет. Но все равно по вбитой мастерами привычке будет думать. Как ЭТО улучшить и как ЭТО можно снять.

Теперь, отобрав микрофон, уже окончательно слово берет важный Дядя с ТВ:

– А нам думать не надо! Нам нужно сдать в срок и чтоб все шевелилось и мелькало. Деньги-то уже того, освоены, так сказать... Вон, недавно был случай, взяли мы режиссера, на пробу, не племянника – так он мало того, что думать стал, так еще и сам хотел артистов выбирать и сам монтировать! Кретин! Не знает, бедняга, что для этого монтировщики есть!.. Еле-еле удалось сериал спасти! Помню, все кричал по телефону: – Не могу я этот сценарий снимать, неправда сплошная! И с этой артисткой, которую вы назначили, работать невозможно, мне профессионалы нужны! Это он про мою племянницу так плохо сказал, зараза! Ну, я ему устроил... Сейчас он таксисом подрабатывает. Теперь – нет! Образование их только портит. Режиссер должен быть тихим, улыбочивым и на все согласным. И желательно из своих. Многие из нас, продюсеров, искренне не понимают, зачем они вообще нужны, эти режиссеры? Мимику артистам ставить? В современном кино мимика это лишнее. Только деньги на грим тратят. Зато артисты должны быть только медийные! Что это такое? Это те, кто постоянно на экране мелькают. Знаете что такое «эффект телеграфного столба»? Нет? Это когда в поезде едешь, а столбы мелькают и мелькают. И создается ощущение, что это тот самый столб, такой родной и

близкий... Вот вы говорите, он для этой роли не подходит? Ерунда, главное что он для канала подходит, а там все утрясется.

Музыка тоже продукт. Хороший телевизионный композитор может написать за день сотню мелодий! Не верите? У нас так и пишут. Годами. Это вам не Бетховен какой-нибудь, который раз в три года писал. Вы говорите, однообразно? Что-то напоминает? Уже было, только без гитары? Ерунда, и не такое проходит. Что значит плохо? Зато недорого. Открою вам секрет. Вообще-то вся музыка делится на «умца-умца» и «тынц-тынц», не знали? Это мне наш лучший композитор перед тем, как повеситься, сообщил.

Зритель: – А как вы сами стали продюсером? Стремились к этому с детства? Что вы закончили? Как к этому пришли?

Дядя: – Ничего я не кончал. Зачем мне? У меня вон грузчики все с высшим образованием, и чего? А был у меня в Костроме мебельный магазин. Потом в Суздале автосервис... Потом дядя из Москвы позвонил, приезжай говорит, в Останкино, меня тут главным сделали, всех наших собираю. И еще говорит, – быстрее, не знаю, надолго ли... Открою секрет, я ведь тоже племянник... Только т-с-с-с!..

Но вы, родные, не сомневайтесь, пока Самый Главный Дядя там, все будет отлично! И уж поверьте, курица будет довольна!

Классификация друзей на Новый Год

(когда сидишь без денег)

За пару недель до Нового Года звонишь своим старинным друзьям и приглашаешь в гости. Но, так как мы живем в стране чудес, отвечают всегда по-разному.

Друг первый: – Бля! Ну почему ты вчера не позвонил?! Я как раз вчера с Питюлькиным договорился, он меня в Метрополь зовет. Вернее я его. Питюлькина знаешь? Не помню, знакомы вы, или нет? Это сын того самого Питюлькина! Нет, извини, тебя не зовем, у тебя и смокинга нет, нет ведь? А еще, ты как выпьешь, обязательно скажешь что-нибудь, а при нем нельзя, сам понимаешь, не тот уровень.

Друг второй: – Я не понял, ты что, тоже, как эти дебилы, празднуешь? Эти гребаные крестоносцы весь календарь перепутали! Ом-мани-рама самасхвали, киндзмараули-ракицители! У всех приличных людей в сентябре Новый год, и в феврале! Я к тебе в сентябре зайду, ты подарок готовь, понял?! Кстати, Машка после того случая родила?

Друг третий: – Ну, не знаю, если в более приличное место не позовут, можно и к тебе. Я, знаешь, тебе позже скажу, числа 30–31-го, под вечер, ладно? Но ты там готовься, ты же помнишь, что я люблю? Только обещай, если приду, про Спартак правду не говорить.

Друг четвертый: – Как?! Ты что, меня в свой домпустишь? Да ладна! Мы ж поругались вдрызг, я думал, ты меня убить хочешь. Впрочем, спасибо, приду, там и убивай, устал я че-то так жить. Спиртное возьму, а с тебя гриль и остальное трали-вали. Баб не зови, сами придут, они плакать любят, особенно Маша.

Друг пятый: – Да, это я... Простите, кто это? Кто?! Извините, вы видимо ошиблись номером. Что? Я не расслышал, что значит «ошиблись человеком»? Хам! (швыряет трубку).

Друг шестой: – Да, спасибо, обязательно будем! Но не на сам Новый Год, а первого, или второго, как в себя придем. Машка будет? Можно мы гостей своих возьмем? У тебя места дофига, а нам их складывать некуда. Там не много, всего пятеро будет, или семеро, в общем, не унывай, разберемся! Пока-пока!

Друг седьмой: – Привет, конечно, приду! А кто будет кроме Маши? Ладно, чего юлить, спрошу конкретно, Петров будет? Если Петров будет, я точно не приду, ну его. Он в прошлый раз чего творил, ты забыл? Зачем ты его в тот раз с Питюлькиным познакомил? Тот звонит, не знает, как от него отделаться... И смокинг мой зачем ему подарил, пока я зайчиком был?

Друг восьмой: – Алло? Вы дозвонились в администрацию президента. Нет, это уже не Его личный номер. А кто это? Ага, понятно, секундочку... Есть такая фамилия. Тут у меня записано... Ага... Он сказал, что поздравит вас с какой-то Машей по телевизору – моргнет на двести двенадцатой секунде, перед тем как выпить шампанского. У него все моргания расписаны. И вам всего доброго. Вступайте в партию Е....

Опыт

Вот я тебе попытался тут объяснить, почему из ФБ* (прим. – принадлежит Meta, признанной в РФ экстремистской, деятельность запрещена на территории РФ) вышел. Получилось типа маленького неказистого рассказика, ну и ладно, привычка, наверное.

Выйдя из фейсбука* (прим. – принадлежит Meta, признанной в РФ экстремистской, деятельность запрещена на территории РФ), я еще примерно дня три-четыре мысленно размещал фотографии, острил с оппонентами, переписывался, делал язвительные замечания, ставил «лайки», ругался и изрекал «умное», свое и чужое. Зависимость оказалась довольно сильной, наподобие курения хорошего табака, красивой жизни на Рублевке и нюханья кокаина (последнее по слухам). К концу недели начало отпускать, правда руки еще дергались, автоматически нажимая ссылку ФБ* (прим. – принадлежит Meta, признанной в РФ экстремистской, деятельность запрещена на территории РФ) на панели управления, но это я уже отнес к посмертным судорогам и собачьим рефлексам с отделением слюны.

Друзья мои, с прискорбием сообщаю, быстро и безболезненно выйти из ФБ* (прим. – принадлежит Meta, признанной в РФ экстремистской, деятельность запрещена на территории РФ) нельзя. Если вы даже удаляете свой аккаунт, он продолжает существовать внутри вас, словно вирус. И рано или поздно вылезает в неожиданном месте, которое и отрезать нельзя. Ладно мы, хотя бы первую треть жизни прожившие без фейсбука* (прим. – принадлежит Meta, признанной в РФ экстремистской, деятельность запрещена на территории РФ), а дети? Что будет со следующим поколением? Видимо, такая же херня творится с телевизором, книгами, модными телефонами и информацией о погоде. Мы обложены со всех сторон. Даже не верится, что люди когда-то могли жить без всего этого. Хитрое и ленивое человечество постоянно изобретает «костыли», чтобы легче ходить. Одежду от холода, бинокли, чтоб рассматривать не подбегая, выключатели света, чтоб не крутить палочку, машины, чтобы самому не напрягаться, и мощное дальнобойное оружие, чтобы мочить всех одним нажатием кнопки.

Лень и война – двигатели прогресса. В результате наши реальные возможности атрофированы за ненадобностью. Мы уже не верим в Порфирия Иванова и его труссы, согревающие в минус сорок, не умеем драться, не можем сами убить корову, чтобы пожарить бифштекс, и полностью уничтожили в себе телепатию и бытовую магию, то есть пошли по другому, техническому пути развития. Но это ладно.

Попытался понять, что дал мне ФБ* (прим. – принадлежит Meta, признанной в РФ экстремистской, деятельность запрещена на территории РФ) в сухом остатке? Несколько реальных, хоть и виртуальных друзей, которых полюбил всей душой – это правда, хоть и звучит как тавтология. Одно это перевешивает многие минусы. Иллюзию того, что ты не одинок, с тобой постоянно кто-то рядом – в этом вижу гениальность соцсетей, особенно в наше время. Но иллюзия остается иллюзией, потому как дружить по-настоящему люди умеют все меньше и меньше. А так как дружба понятие изначально военное, дело это трудное, требующее внимания, участия, реальных встреч и подтверждений. Как и виртуальная любовь, к примеру.

Что этот ФБ* (прим. – принадлежит Meta, признанной в РФ экстремистской, деятельность запрещена на территории РФ) забрал у меня? Время. Время моей личной и такой короткой жизни. Потому как, если ты занят чем-то одним, то ты в этот момент не делаешь чего-то другого. А значит, просиживая часами в ФБ* (прим. – принадлежит Meta, признанной в РФ экстремистской, деятельность запрещена на территории РФ), я не занимаюсь многими полезными для жизни вещами, которые просто необходимы нормальному человеку.

Было ли мне страшно? Да. Наверное, с такими же мыслями некоторые уходят в пещеры и замуровывают себя в кельях. Но я прекрасно знаю, что борюсь только со своим внутренним драконом. Все мои обретенные в ФБ* (прим. – принадлежит Meta, признанной в РФ экстре-

мистской, деятельность запрещена на территории РФ) друзья прекрасно знают мой телефон, адрес скайпа, электронной почты и номер дома, в конце концов. Некоторые даже поинтересовались, как и ты, жив ли я, за что им и тебе отдельное спасибо. И если хочешь, передай остальным – я не от вас ушел, а от самого себя. И вернусь, естественно, как только почувствую окончательно, что зависимость побеждена.

Откровенный разговор продюсера с режиссером.

– Ты что закончил, опыт есть?

– ВГИК...

– Не, нам не надо.

– Но почему?! Давайте я хоть попробую?

– А тебе никто и не даст снимать.

– Почему?

– А вдруг ты лучше сделаешь, чем те, кому сейчас дают?

– Так это же хорошо?

– Кому? Таких, как ты, знаешь сколько? Никто им давать не рискнет.

– Я не понимаю...

– Так те, кому дают, хоть как-то торчат, понимаешь? У меня племянник, такой же, как ты, тоже в жопе сидит.

– Так я и плохо могу, если надо! Жить не на что...

– Нет, дорогой, не получится. Ты думать начнешь, а это не надо. Не рискну. Тем более, ты давно не снимал.

– На велосипеде я тоже давно не ездил.

– Вот-вот. Упадешь еще...

– Выходит, зря я учился...

– Да чему там учиться?

Хучит

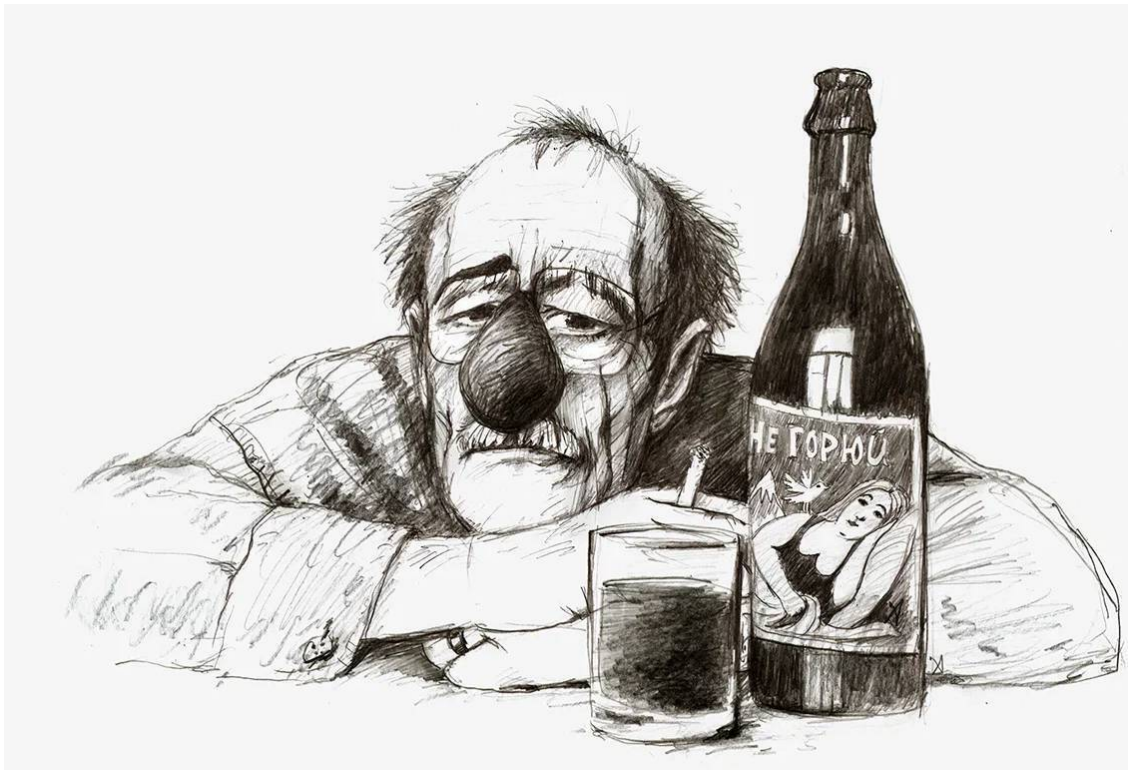
Параллельно со мной во ВГИКе, на сценарном факультете, учился монгол, Хучит-Хар. Огромного роста, весь шарообразный, настоящий батыр. Мы с ним были соседи. Делились хлебом, картошкой... Вот из его рассказов:

– Москва большой город. Люди всякие есть. Тут, в общежитии, нужно даджа-ламу вызывать, пусть три дня мантры читает – темное место...

...Я шел по улице, смотрю, два мужчины девушку обижают, тащат куда-то. Я им говорю, не нужно девушку обижать. Отпустите. Они начали меня бить. Не сильно. Я терпел, но тут милиция подъехала, две машины. Стали всех бить палками. Восемь человек. На меня сразу четверо набросились. Я их на землю бросил, не бил. Другие тоже набросились. Я им говорю, чего бьете? Это те хулиганы, девушку обижали. А они меня бьют и бьют. Кричат все. Я их тоже положил, с теми. Просто толкал, не бил. Смотрю, девушки нет. Ушла наверное. Милиционеры лежат тихо, разговаривают. Я пошел в парк. Там проститутка стоит. Говорит, давай сто долларов. Откуда у меня? Говорили, говорили, дал ей восемь долларов, больше не было. Она согласилась. Ты маме моей не говори, мне еще нет 22 лет, расстроится...

...Когда в Москву с направлением приехал, только два слова по-русски знал, «спасибо» и «я хороший». Я их Агишеву и сказал, он меня понял и на курс взял, святой человек.

Разговор с Данелией

12 марта 2015 г. Время 11.10

Звонок, снимаю трубку:

– Здравствуйте, Георгий Николаевич!

– Ты как будто ждал моего звонка (смеется).

– Я всегда жду. Тот продюсер по поводу «Хаджи Мурата» молчит пока, что-то со сценарием делают...

– Да ладно, ты же знаешь, как я к этому отношусь... Мне это...

– Ну, я...

– Игорь, я просто так позвонил. Как ты? Как семья?

– (мое бла-бла-бла, потом вопрос: – А вы как? Что со здоровьем?)

– Совсем плохо. Не понимаю, что происходит. Там, наверное, переоценка какая-то была, или списки меняли, в общем, пропустили меня или из списка вычеркнули, за недостойное, теперь помереть никак не могу. Видимо, в новые списки поставили. Опять в очереди стоять надо.

– (Моя попытка пошутить)

– Многие говорят, живите, Данелия, будьте здоровы, как будто это меня радует. А меня это совсем не радует, понимаешь? Нет интереса. Давно уже хочу умереть и не могу.

– (Мои мысли по поводу несправедливости смерти, про детей и молодых людей, а также предположение, что жить надо 140 лет)

– Думаю, что пока мозги работают, можно верить, что там с ними встретимся, да? Как считаешь? Но мне кажется, и шестидесяти достаточно...

– (Мое несогласие, типа 60 это мало, у многих вообще, только начало)

– И что в сто сорок делать такой развалиной? Левая рука не работает, левая нога не работает, правая рука отнимается, кал не работает. Я уже три года из квартиры не выхожу. Дойти до туалета – задыхаюсь.

– (Мое натужное мычание, на тему, что «значит вы еще кому-то сильно нужны»)

– Не думаю, что это так. Я в семьдесят хотел покончить с этим, не получилось. (вспоминаю, как он показывал мне пулю, давшую осечку) Ладно, все равно мы ничего не знаем. Ты звони. Пока.

Из жизни селянина

– Хотите снег в мае, или ураганный ветер в июле? А может, желаете горизонтальный дождь с градом, прямо в лицо или в то место, которое раньше им было? Как же оно теперь называется? Или вам понравятся шаровые молнии, лопающиеся в метре от вас и выжигающие в песке стеклянные воронки? Обращайтесь ко мне.

Будь вы хоть в Непале, в Африке, на Таити или еще на каких кокосовых островах, стоит мне взять в руки лопату или еще какой-нибудь инструмент для ковыряния земли, тут же все это и начнется...

Так любое мое действие по облагораживанию участка или еще какой оставшейся на Земле природы сразу же превращается в катаклизм и подвиг. Сами смотрите, только что светило солнышко, ласково пели птички, мурлыча, терся о штакетину кот, но тут, я, поморгав бессмысленными глазами, беру в руки лопату и, крикнув, делаю первый копок. Бац!.. Хрясь!..

Внезапно поднявшийся ураганный ветер гонит рябью кожу на лице, словно у летчика-истребителя при сверхперегрузках, треплет торчащий из лужи застывшего цемента лом, комкая, рвет, словно бумагу, железные листы на гаражных воротах. Кот, прижимая уши и нарушая все законы гравитации, карабкается к открытой форточке на втором этаже. Цепляется когтями, ползет прямо по вертикальной стене, напоминая Дракулу, размазанного кровавым закатом.

С чмоканьем выдираю лопату из глины, с хряканьем всаживаю ее вновь, вдавливаю штык ногой, и, пожалуйста, – вздрагивает земля, с неба обрушивается ливень, за спиной гавкает гром, и внезапно, в шумовой синкопе, в свистящей тишине и наступившей вдруг невесомости, слышно, как глухо издает рык пробудившийся где-то за пятью горизонтами вулкан Эйяфьядлайёкюдль...

И вновь шархает гром, бьет наотмашь пощечины мокрыми жесткими ладонями снег и орет прижатый потоком ветра к оконной раме котяра... И поверьте, все это будет продолжаться, пока я не выпущу лопату или тяпку из рук.

Мистика. Видимо, я тайный монгол, и течет в моих венах хитрая, неуловимая, как степной волк, капля монгольской крови, так как все знают (спросите у любого монгола) – великий грех ковырять палкой Землю, и тамошние боги неусыпно следят за нарушителями и жестоко карают их, прям по сусалам.

Про детство и генералиссимуса Суворова

За свою детскую школьную жизнь я поменял несколько школ. Так уж вышло, родители постоянно ссорились, разводились, снова друг на друге женились и в очередной раз ссорились. При этом они вечно переезжали из города в город. В общем, жили весело и интересно, не чета нынешним правильным занудам типа сегодняшнего меня. А у меня тогдашнего, тем временем, была своя, совсем другая детская жизнь. Она не касалась взрослых, взрослые в ответ не касались меня. Соблюдались лишь формальности.

В школе, начиная с четвертого класса, мы постоянно дрались. Всей толпой, бледные от ужаса предстоящего, собирались за школой, там, где нас никто не увидит, и, как говорится, выясняли отношения. Поводы были разные. Кто-то кого-то обозвал. Кто-то с кем-то дружить не хочет, кто-то кого-то еще чего-то, ну, в общем, убедительные были поводы.

«Дрались» обычно один на один. Остальные стояли вокруг и орала изо всех своих дурацких сил. Почему я пишу слово «дрались» в кавычках? Потому что тогда, в четвертом классе мы еще не достигли того первого уровня, который достигается в старших классах, когда дерутся «по-настоящему», и того, второго, после-школьного и после-армейского, когда уже не дерутся, а просто убивают, потому что умеют и знают как.

Мы были просто детьми, которые учились быть суровыми «как взрослые». Когда на крики появлялись взрослые, например уборщица – берсерк тетя Клава, или Темный-Физрук, которому Директриса велела, «чтобы было тихо, а то сам знаешь чё», мы разбегались.

Разбегались стремительно и мгновенно, как мальки на отмели, когда бросишь туда камушек. Физрук, кстати, грозился тем из нас, кого поймают, вставить свистки в одно место, «чтоб вместо пуканья свист по всей школе разносился», и мы ему верили. Он и правда мог – на его шее висела целая связка этих свистков.

Там же, за школой, у большого дерева, выяснялось, кто первый по силе, а кто не первый, а только думал так про себя и честно врал об этом окружающим. Больше всего мы ненавидели подставы. Это когда двое стоят друг напротив друга, а третий подкрадывается сзади и встает на четвереньки за одним из мальчиков.

То есть, вы понимаете, теперь стоит этого мальчика только легонечко толкнуть, и он летит верх тормашками. Как ни странно, но делать это мы не мешали, потому что интересно и бесплатное шоу, но таких «подставлял» мы потом ловили в туалетах и тихо лупили всем скопом. Законы честного боя на них не распространялись.

Сами наши «драки» были не просто тычками, царапаньем и нелепыми зуботычинами, а сложносоставными мероприятиями. Прежде чем начать «драться» нужно было измордовать противника словами, унижить и растоптать его морально. Здесь тоже был простор для этого подвига боевых искусств.

Думаю, даже в Шаолине такого не преподают. Поэтому, скорее всего, любой наш маломальски опытный российский драчун легко уделает шаолинского монаха. Ни один монах не выдержит тех обидных слов, что есть в запасе наших школьных хулиганов. Если он не Будда, конечно. А Будда, как известно, туда просто не придет, у него свое дерево.

Так, словно в волчьей стае, вырабатывалась в школе иерархия наших отношений. Очень редко, но бывало, что член стаи изменял свой статус, поднимался выше, но это стоило ему великих сил и самоотверженности. Это я знаю по себе, так как в шестом классе сумел из «третьего по силе» подняться во «вторые».

А поспособствовал этому, как ни странно, мой любимый генералиссимус Суворов, который сказал (и я до сих пор уверен, что сказал он это мне, лично) что «побеждает тот, кто меньше себя жалеет».

Пройти дальше по этой лестнице ни сил, ни времени тогда не хватило, грянул апокалипсис в виде моего отчисления, и еще сразу же наступили каникулы.

Так что эта школа и этот квест для меня закончились, и я переехал в другой город, где творился полный беспредел, где драться можно было «вдесятером на одного» и подставы только приветствовались, но это уже другая история...

Сериал

Смотрю сейчас сериал, коллеги порекомендовали. Обычно я на это не покупаюсь, но тут дал слабину. А все потому, что тот сериал, который я смотрел до этого, на очередном сезоне испустил дух и в страшных муках закончился. Не сразу, конечно, еще сезончик он конвульсировал, но уже и без доктора всё было ясно. Эта синяя пена изо рта, выпученные глаза и торчащий из груди осиновый кол как бы намекали опытному зрителю, что делу каюк.

Так вот.

Если абстрагироваться от всяких форматных категорий, то мысль, заложенная в том, что я увидел в этом веселом сериале, весьма оригинальная. Я не буду спойлерить и рассказывать вам, в чем там дело и кого играл один из трех братьев Чадовых, расскажу так, что вы не угадаете.

Короче, там один актер играет некоего актера, играющего оперативника в некоем сериале про оперативника. Удалось переварить? Тогда дальше.

По сюжету в какой-то момент режиссер того сериала в сериале замечает, что он начинает лажать (халтурить, гнать фуфло, говорить неправду, путать рамсы и тексты). И тогда мудрое руководство в приказном порядке отправляет его «в ссылку». А надо добавить, что мудрое то руководство ориентируется исключительно на письма равнодушных зрителей того же сериала. Что значит «в ссылку»? Очень просто.

Его отправляют на стажировку в полицейское отделение, где полицию тоже играют актеры. Но, по замыслу авторов, тот актер как бы не догадывается, что идет повышать свое мастерство к другим, более крутым актерам. И, участвуя в приключениях тех артистов, он постоянно сталкивается с тем, что во время пребывания в той ссылке его постоянно узнают жители того маленького городка, где происходит сие действие. Ну, еще бы не узнать, свои люди, чего там, в одну кассу который год стоим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.